

ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ТАЙНЫ

ТАТЬЯНА
УСТИНОВА

СУДЬБА ПО КНИГЕ
ПЕРЕМЕН

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Судьба по книге перемен / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215170-5

Маня Поливанова, она же известная писательница Марина Покровская, вынуждена помогать своей тете Эмилии, и это просто мука мученическая, потому что Эмилия — знаменитый экстрасенс, а Маня ни в какое ясновидение и колдовство решительно не верит! Однако тетины предсказания странным образом сбываются, проблемы ее клиентов решаются, чего нельзя сказать о самой ясновидящей: она погибает! Маня, обнаружив Эмилию убитой, берется отыскать преступника, но как это сделать, не имея ни дара ясновидения, ни талантов сыщика, ни даже надежных помощников? А впрочем, тетя говорила, что помощь непременно придет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215170-5

© Устинова Т.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Вячеславу Умановскому
с благодарностью за долгие годы дружбы*

— Чья это свинья?! Граждане! Господа! Товарищи!
Чья свинья?! Кто ее привел?

— ...Где, где свинья?

— Батюшки светы, и правда!

— Уберите свинью от прилавка!

Знаменитая писательница Марина Покровская — в миру Мария Алексеевна Поливанова — протиснулась поближе, очень заинтересованная свиньей.

Небольшая толпа возле колбасного отдела волновалась, все заглядывали себе под ноги, шарахались и возмущались. Какой-то мальчишка попятился и чуть не упал.

— Кш! Кш!.. Пошла вон!

Полная дама в шляпке ввинтилась в толпу и спросила с жаром:

— Соловья поймали?

— Какого соловья! Свинья забежала!

Маня заподозрила неладное, присела на корточки и заглянула под прилавок.

...Так и есть!

— Волька! Ну-ка вылезай оттуда! Сейчас же!

Небольшая белая свинка хрюкнула, наострила уши, припала на передние ноги, поползла, выбралась на свет и оказалась собакой.

— Господи, — сказал кто-то из зрителей с веселым изумлением.

— Вот уродство!

Маня покраснела и потащила Вольку за поводок.

— Эта порода называется мини-бультерьер, — объяснила она невесть зачем и невесть кому. — Английская собака, в Оксфорде пользуется большой популярностью...

— Женщина, выйдите! — пронзительно приказала продавщица. — Вы что, слепая? На входе русскими буквами написано — с собаками нельзя!

— Мы уходим, уходим!

Маня вытащила слабо упирающегося Вольку на улицу и накинулась на него с упреками.

Волька слушал. Длинная морда, и впрямь немного похожая на свиное рыло, выражала неискреннее раскаяние.

Вскоре Мане надоело ругаться, она затолкала в рюкзак покупки, взгромодила его на плечи и широко зашагала по Невскому в сторону Мойки.

Мини-бультерьер, английская собака, популярная в Оксфорде, бодро трусил за ней.

...Вообще-то в Питере собакам и их хозяевам было намного вольготней, чем в Москве. Конечно, с ними никуда нельзя, им все запрещено, как и везде, но это официально. А неофициально — питерцы против собак не возражали, а поэтому все можно!..

Просто сегодня Волька на самом деле вел себя как свинья!

Народу на Невском было полно — веселые толпы празднующихся туристов. На мосту кричали зывавалы, приглашали кататься на теплоходах и катерах, лоточники торговали пластмассовыми Винни-Пухами, китайскими веерами и морскими картузами, экскурсия, прикрывая глаза ладонями от солнца, смотрела в сторону кафе «Вольф и Беранже».

И жара!..

Маня вздохнула.

Какая красота! Поехать бы сейчас в парк на Елагин остров. Туда тоже с собаками нельзя — с ними куда нельзя, но можно! — и есть один вход, где никогда не бывает сторожа. Провести Вольку контрабандой, а там — гуляй не хочу!..

Но гулять Маня не могла, хоть и хотела.

Она должна помогать тете Эмилии. За этим и приехала в Питер.

Маня с Волькой свернули на набережную Мойки, где было совсем тесно от людей и машин, и почти не видно речку, сплошь утыканную катерами и лодками, словно брошенный цветной ящик окурками, промаршировали мимо пышечной — решено было худеть, и никаких пышек, только стебель сельдерея, молодой редис и бобовые — и вскоре оказались во дворе старинного трехэтажного дома.

Маня посмотрела на часы.

Десять сорок пять. Ровно в одиннадцать тетя Эмилия начинает прием, а Маня запаздывает с завтраком. Сейчас ей достанется!

— Мария! — воскликнула Эмилия, как только Маня, отдуваясь, распахнула дверь. — Где ты была?! Я уже подумала было, что ты отправилась на пароходе в Гельсингфорс!

— Какой еще Гельсингфорс? — под нос себе пробормотала Маня, скидывая кроссовки. — Мы были на Невском в Елисейском магазине, тетя. Там очередь.

— Если ты будешь так себя вести, мне придется написать Вике и отправить тебя обратно в Москву!

Викой звали еще одну Манину тетю, которая приходилась сестрой Эмилии.

Маня освободила Вольку от поводка, тот встряхнулся и неторопливой рысцой побежал в сторону кухни. Тетя Эмилия посторонилась.

— Что за ужас эта собака, — сказала она в сотый раз. — Зачем ты ее завела? Кто тебе разрешил?

Эмилия обращалась с Маней так, словно племяннице было двенадцать лет и она вступала в сложный переходный возраст. На самом деле Мане давным-давно исполнилось тридцать пять, она писала романы, которые — вот чудо! — издавали и читали, подрабатывала на радио, давала интервью, состояла в жюри разнообразных конкурсов и фестивалей и считалась главой семьи, состоящей из двух тетюшек, Маниного кавалера Алекса Шан-Гирея и самой Мани.

— Я сварю яйцо и сделаю бутерброды, — объявила Маня из кухни. — Иначе не успеем. Я лучше обед пораньше подам.

Эмилия присела на краешек стула с высокой спинкой. В кухне у нее была тяжелая, старинная, очень красивая и страшно неудобная мебель.

— Ты никогда ничего не успеваешь, Мария. Ты очень неорганизованная. Вся в мать. Та была точно такая же.

Маниных родителей давным-давно не было на свете, но упоминаний о них Маня не выносила — ей сразу становилось ужасно жалко себя, сироту, и она начинала сердиться на мать и отца, бросивших ее на произвол судьбы.

Это было несправедливо — они не собирались ее бросать, просто самолет упал, — и Маня еще чувствовала себя виноватой, что сердится и что тогда не летела с ними...

Такой вот клубок. Лучше не думать.

— Тебе яйцо всмятку или в мешочек, тетя?

— Какая разница. Всмятку, конечно. Нет, в мешочек.

— Хорошо.

— Нет, вкрутую! И свежий огурец. И кусочек колбаски. Ты принесла?

— Все принесла, тетя.

— Опять чай! Терпеть не могу! Свари кофе.

— Тебе нельзя, у тебя давление.

— Можно подумать, нельзя найти кофе без кофеина!
Давно бы купила!

— Я куплю, тетя.

Эмилия отхлебнула из чашки.

— Едим на кухне, — горько заметила она. — Как прислуга!

Маня покосилась на нее.

— В гостиной у тебя прием. Там никак нельзя...

— У меня сегодня большой прием, — объявила Эмилия с удовольствием. — Почти все постоянные. Я прошу тебя, Мария, все записывай внимательно, ничего не перепутай! И запри, бога ради, эту собаку! В прошлый раз у нее так бурчало в животе, что я не могла сосредоточиться!

— Должно быть, это у меня бурчало, — сказала Маня, наливая чаю и себе. — С голоду.

Эмилия пропустила замечание мимо ушей.

— Что твой Алекс? Как он?

— Прекрасно, — сказала Маня бодро. — Пишет роман.

— Вот он... — Эмилия подняла указательный палец, словно указывая на потолок. Маня послушно посмотрела. Потолок был очень высокий и немного закопченный.

— Вот Алекс, — повторила тетя Эмилия, чтоб стало ясно, что речь она ведет не о потолке, — на самом деле писатель, Мария. Его «Запах вечности» можно перечитывать бесконечно! А чем ты занимаешься — непонятно.

— Я пишу детективы, — сообщила Маня. — Алекс пишет большую прозу, а я детективы. Их тоже многие читают и перечитывают!

Эмилия пожала плечами.

— Ты живешь рядом с Алексом Шан-Гиреем и *тоже пишешь*. Все равно что Софья Андреевна Толстая взялась бы за сочинительство и они со Львом Николаевичем писали бы наперегонки в соседних комнатах.

Маня засмеялась — представила картинку.

— Доедай и за работу, — распорядилась Эмилия. — Кто у нас первый?

Маня вытерла о джинсы пальцы, распахнула ноутбук, примостившийся на старинном буфете, и посмотрела таблицу.

— Ольга Александровна Ветрова с дочерью.

Эмилия покивала, лицо у нее стало серьезным.

— Сложный случай, — сказала она. — Очень сложный. Давно над ним работаю, но пока... безуспешно.

Маня уже видела эту самую Ольгу Александровну — высокая худая блондинка с тонким, бледным, невыразительным лицом. Она приводила дочь, усаживалась в передней на банкетку и ждала, неподвижная, как сфинкс, охраняющий Неву. Маня выглядывала, чтоб посмотреть на нее: Ольга Александровна не шевелилась, не читала и не копалась в телефоне.

Просто сидела и ждала.

Мать с дочерью явились минута в минуту. Прозвонел звонок, Маня распахнула дверь.

— Здравствуйте, — промолвила Ольга Александровна. — Марфа, поздоровайся.

Девочка пробормотала невнятное.

Маня проводила их в гостиную, где были задернуты шторы, повсюду горели свечи и курились благовония. Эмилия, облаченная в восточные одежды, сидела в широком кресле, второе такое же стояло напротив — для посетителей.

Место секретаря — в данном случае Манино — было далеко, почти в эркере. Если чуть-чуть подвинуть тяжелую ткань шторы, можно увидеть улицу и кусочек неба.

— Проходи, проходи, милая, — приветливо заговорила Эмилия, завидев Марфу. — Вот твои карандаши и альбом, помнишь, мы с тобой в прошлый раз рисовали?..

Мать усадила девочку и вышла. Марфа не обратила на нее никакого внимания.

Маня ждала у двери.

В ее задачу входило принять посетителя, устроить сопровождающего, если таковой имелся, предложить чаю или кофе, затем потихоньку, через кабинет, незаметно вернуться в гостиную, на секретарское место и записывать все, что она видит и слышит, в специальную таблицу.

Ольга Александровна привычно опустила на банкетку, положила сумку на колени и замерла — готовилась ждать.

Маня вздохнула.

— Хотите чаю? Или кофе? Есть минеральная вода и лед! Будете?

— Нет, спасибо.

— Я могу бутербродов сделать.

— Спасибо, нет.

Маня опять вздохнула, прошла через кабинет и неслышно возникла в гостиной, где шел сеанс.

Сильно пахло благовониями. Подле Марфы горел торшер, на коленях у девочки лежал альбом, она водила карандашом, вроде бы рисовала. Эмилия что-то говорила, очень тихо, не разобрать. Раскрытую ладонь правой руки она держала над курильницей и время от времени касалась ею макушки девочки.

Маня отвела глаза. Ей было невыносимо стыдно.

Тетя Эмилия работала — или как это правильно сказать? Служила, что ли?.. — экстрасенсом очень высокой пробы. Очень большой силы, что ли?..

Тетя обладала провидческим и целительским даром, проводила сеансы, гадала на Идзине, Книге перемен, бросая стебли тысячелистника, а иногда на картах Таро.

К ней обращались не только отчаявшиеся бедолаги вроде Ольги Александровны, но и большие люди, нуждающиеся в советах «по бизнесу», политики, желающие узнать будущее и обратить его в свою пользу,

жены, разыскивающие утраченных мужей, наследники, алкающие припрятанных дедовских сокровищ. Эмилию знал весь Петербург, также к ней ехали из Москвы, из-за Уральских гор, даже из-за океана — последний толстосум как раз прибыл из Нью-Йорка и желал знать, что ждет его бизнес после пандемии. Кажется, он владел покер-клубом.

Эмилия провидела будущее, заглядывала в прошлое и делала предсказания в духе Дельфийского оракула — ничего определенного, истолковать можно как угодно, в любую сторону. По крайней мере, так казалось племяннице.

Дело в том, что Маня Поливанова — известная писательница Марина Покровская — не верила в предсказания, пророчества и гороскопы. Даже Книга перемен вызывала у нее сомнения! Ну, что тут поделаешь!..

Впрочем, в случае с тетей Эмилией Маня рисковала остаться в полном одиночестве — поток посетителей увеличивался чуть ли не с каждый днем, приходилось записывать на полтора месяца вперед, помощница не справлялась! Маню вызвали из Москвы на помощь, когда тетиной секретарше понадобилось вернуться на родину в Винницу, где у нее заболел кто-то из родных. Посторонних привлекать не стали, и Маня была брошена на прорыв. Она как раз только что сдала в издательство роман и собиралась славно отдохнуть. Тети переговорили по телефону, пришли к выводу, что лучший отдых — это смена деятельности, и велели Мане собирать чемодан и отправляться.

Маня была взрослой, умной, самостоятельной, кроме того — популярной писательницей и вообще главой семьи. Но спорить с тетушками себе дороже, да и, честно признаться, Маня нуждалась не просто в отдыхе.

В последнее время она так устала от Алекса, гениального, тонкого, умного, занятого только собой и своими текстами, рассеянного, странного, волшебного, что ей потребовался перерыв. Занятия тети Эмили

раздражали ее донельзя, и она от души бесилась, выдавая свою усталость и раздражение от жизни с Алексом за неприятие тетиных упражнений.

Так проще, и не нужно вдаваться в собственные проблемы.

Не спросив Алекса, Маня завела мини-бультерьера, по слухам, очень популярного среди оксфордских профессоров и студентов, назвала его Вольдемаром, купила ему голубой ошейник Tiffany за бешеные деньги и дорогущую фарфоровую посуду, на что ни Алекс, ни Вольдемар не обратили никакого внимания.

Алекс, обнаружив в спальне щенка, пожал плечами и спросил, почему он так похож на поросенка.

Волька, обнаружив в спальне Алекса, равнодушно его обнюхал и с тех пор перестал замечать.

Маня поняла, что демарш не удался.

— Между прочим, его нос очень похож на твой, — предприняла она последнюю попытку. — Видишь? Как у настоящего грузина! Или грека! И потом! Это охранная собака! Он будет меня охранять!

— Тебе угрожает опасность? — рассеянно осведомился Алекс, и больше к разговору о бультерьере они не возвращались.

...Маня почти задремала. Эмилия все что-то бормотала, девочка водила рукой с карандашом, благовония курились, в комнате становилось душно. Окно открыть нельзя — аура! Кроме того, в окно могут ворваться неправильные звуки и колебания и спровоцировать выброс ненужной энергии.

— Мария!

Маня вздрогнула и вытаращила глаза.

— Мария, проводи Марфу к матери.

Маня выбралась из-за небольшого секретера — сидеть там с ее ростом было страшно неудобно, некуда девать ноги и бюст, — и взяла Марфу за руку.

Рука была тонкой, холодной и влажной, как лягушачья лапа.

— Ольга Александровна, — заговорила вышедшая следом Эмилия, — сегодня у нас особый день. — На слове «особый» она понизила голос. — День начала перемен.

Ольга Александровна безучастно посмотрела на прорицательницу.

— Да, да, — подтвердила та. — Пусть Марфуша останется у меня до вечера. Мария за ней присмотрит. Она порисует рядом со мной, за ширмой. Мне очень важно не потерять с ней контакт именно сегодня. Приходите к пяти часам.

— Сколько это будет стоить — до вечера? — спросила Ольга Александровна.

Мане показалось, что Эмилия немного смешалась.

— Как обычный сеанс, — быстро сказала она. — Идите и ни о чем не беспокойтесь.

Маня закрыла дверь, вновь взяла девочку за руку и отвела в кабинет. Посреди ковра радостно крутился вокруг своей оси небольшой белый бочонок — Манина собака.

— Ты любишь собак? — спросила Маня.

Марфа кивнула, Маня ничего подобного от нее не ожидала.

— Добрых, — произнесла девочка низким голосом.

— Волька — добрый пес. Он еще совсем щенок, года нет. Видишь, как он нам рад! Крутится!

Но Марфа уже потеряла к нему всякий интерес.

Маня вновь взяла девочку за руку, и они перешли в гостиную, где Эмилия вела прием. В углу, отделенном ширмой от посторонних глаз, располагался небольшой карточный столик с лампой. Маня зажгла лампу, усадила девочку за стол. Из небольшого розового рюкзака — Марфа не расставалась с ним, даже с плеч его не снимала — девочка достала тетрадку с картинкой на обложке и положила рядом.

■ — Мария! — позвала Эмилия.

— Может, она есть хочет? — зашептала Маня, выскочив в коридор. — Или компоту ей налить? У нас есть вишневый!

— Она должна нарисовать то, о чем я ее попросила. Не приставай к ней. Есть и пить у нас она не будет. Она ест и пьет только то, что ей привычно, например куриный бульон.

— Чем она больна?

Эмилия помедлила.

— Синдром Ли Шуня. Редкое заболевание нервной системы. Его выделили и описали китайцы в конце двадцатого века.

— Как аутизм?

— С чего ты взяла? Вовсе нет.

В дверь позвонили, Маня бросилась открывать, а Эмилия скрылась в гостиной — она редко выходила во время сеансов и считала, что посетители не должны видеть ее мирно беседующей с племянницей в коридоре.

Следующим оказался крепкий, почти наголо бритый мужик, довольно молодой. Маня все никак не могла привыкнуть, что к тете Эмилии обращаются не только женщины, но и вполне приличные на вид мужчины.

— Я вас где-то видел, — сообщил посетитель Мане, и она быстро проводила его в гостиную.

Еще не хватает, чтоб ее узнали!..

Сергей Петрович намеревался узнать, жива ли его мать. Он вырос в приемной семье, и вот теперь ему совершенно необходимо разыскать эту самую мать, если она еще жива.

Маня старательно записала его просьбу, и пока Эмилия водила руками над фотографией предполагаемой матери, стала набрасывать в блокноте сцену для будущего романа.

...Темная комната, женщина и мужчина, со стен за ними наблюдают портреты, равнодушно ждут чего-то натюрморты. Чего они ждут? Тут какая-то тайна! Мужчина пришел неспроста, а для того, чтобы...

— Эта женщина жива и здорова, — громко объявила Эмилия, сбив Маню с мысли. — Но она не ваша мать.

— Как?! Я точно знаю!

— Сергей Петрович, — продолжала тетя деловым, холодным, сдержанным тоном. — Зачем вы пришли ко мне? С проверкой? Из налоговой?

Посетитель вытаращил на гадалку глаза:

— Я же вам сказал...

— Женщина на фотографии жива и здорова, и она не имеет к вам никакого отношения, никаких родственных связей я не вижу. Зато я вижу, что ваши ма-тушка с батюшкой совершенно благополучны и, если не ошибаюсь, сейчас где-то отдыхают. Не исключено, что у вашего батюшки проблемы с сердцем. Зачем вы пришли?

Сергей Петрович, кажется, растерялся немного, но быстро взял себя в руки и стал уверять Эмилию, что она ошибается и пришел он, исключительно чтобы найти свою настоящую мать, но Эмилия была непреклонна, а напоследок сказала и вовсе загадочное:

— Ходить с оружием — значит набиваться, чтобы в тебя стреляли.

И выставила посетителя вон.

— Как ты узнала, что его родители живы? — спросила Маня, когда негодующий Сергей Петрович удалился. — И что значит эта сентенция про оружие?

— Мария, я знаю, ты не веришь в мой дар, но он на самом деле существует.

— Тетя!

— Посмотри, как там девочка.

В дверь позвонили, Маня открыла, охнула и отступила — в переднюю втиснулся человек-шкаф в черном костюме, за ухо заправлен витой шнур передатчика.

— Вы кто?!

Человек обшарил взглядом стены и двери.

— Это мое, — хохотнули за спиной человека-шкафа, — не пугайся, сестренка!..

Шкаф посторонился, пропуская девицу в белом облегающем костюме — брюки клеш, жакет на голое тело, на выпирающих грудях разноцветные татуировки.

— Стой там. — Девица подбородком показала на лестничную клетку. — И передай им, что мне нужен гример! Понял? Пусть приезжает прямо к телику! И ждет!

Тут Маня ее узнала.

Ну, конечно же! Страшно модная новая блогерша Кара Ван, рассказывает о путешествиях, но не простых, а золотых — клиники красоты во Вьетнаме, спа в Дубае, очистительные процедуры в Индии, ритуалы омоложения на Бали, роды в морской пучине, мистические обряды в Индонезии, в общем, все, что следует знать современной женщине о ее красоте.

В интернете Кара Ван казалась высокой, устремленной к небесам, легкой, как перышко.

В жизни она оказалась крепкой, бойкой девахой с низким голосом. Должно быть, поэтому Маня не сразу ее узнала. Вот на что способны компьютерные фильтры!

— Слушай, — рассматривая себя в старинном тетином зеркале, заговорила блогерша, — принеси чего-нибудь попить, а? Есть вода с пе ашем семь и четыре?

Маня смотрела на нее сверху вниз — из-за гренадерского своего роста — с изумлением.

— Ну, вода, — пояснила Кара. — С уровнем Ph 7,4? Есть?

— В кране есть вода, — мстительно сообщила Маня. — И в бутылке есть. Называется «Боржоми». Вам из крана или из бутылки?

— А капучино есть? Без кофеина и на кокосовом?

Маня развела руками. Ей становилось смешно.

— Могу ромашку заварить, очень полезно при запорах и от нервов. Не страдаете?

— Мария, — позвала из комнаты Эмилия напряженным голосом, — проводи ко мне гостью!

Неожиданно девица потянулась и сделала попытку хлопнуть Маню по плечу, но достала только до середины спины, получилась неловкость. Засмеялась и зашла в гостиную.

Кара Ван желала узнать, что на уме у нового мужчины ее жизни по имени Ясон. Их познакомили на вечеринке в Монако, куда Ясон прибыл со своим танцевальным коллективом.

Маня все старательно записала.

Оказавшись наедине с прорицательницей, благовоениями, полутьмой и Книгой перемен, Кара Ван вдруг занервничала и стала облизывать губы. Эмилия долго и внимательно смотрела на нее. Кара совсем стушевалась и начала возиться в кресле, словно из него торчало шило, впивалось в дивной красоты задницу, полученную путем шаманских камланий вблизи водопадов Замбии.

Эмилия повела речь издалека, зачем-то прошлась по родителям Кары и ее родственникам в Кишиневе, потом рассказала о первом муже — хоккеисте — Маня не слушала, все это было более или менее известно, можно найти в интернете.

Она ждала с нетерпением, как тетка станет выкручиваться с Ясоном. В конце концов, вопрос предельно простой — подходит Ясон Каре, а Кара Ясону или не подходит!

И Эмилия выкрутилась!

Она велела Каре приходить еще раз, ибо в настоящий момент как следует не может рассмотреть — где-то там стоит некий блок.

Удивительное дело, но Кара обрадовалась и попросила немедленно записать ее на «через неделю», потому что за это время ей нужно «смотреться в три места».

Маня записала.

— Зачем ты назначила ей второй сеанс? Придумала бы что-нибудь, да и все дела! — Разочарованию Мани